

18+

Лариса Хорева

**Практикум
по домашнему
чтению**

Испанский язык

Лариса Хорева
Практикум по домашнему
чтению. Испанский язык

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67820457
ISBN 9785005304025*

Аннотация

Учебное пособие имеет целью формирование и развитие навыков и умений письменного перевода и всех видов устного перевода с испанского языка на русский и с русского языка на испанский. Пособие предназначено для студентов старших курсов филологических факультетов университетов. Может оказаться полезным для студентов-испанистов филологических факультетов и всех, интересующихся испанским языком и проблемами перевода.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1.1	8
Часть 2.1	20
Часть 3.1	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Практикум по домашнему чтению Испанский язык

Лариса Хорева

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент кафедры СИЛ ИФиИ РГГУ Маргарита Смирнова

© Лариса Хорева, 2020

ISBN 978-5-0053-0402-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Настоящее учебное пособие – практикум предназначено для студентов гуманитарных факультетов университетов, а также для высших учебных заведений, готовящих специалистов со знанием испанского языка. Практикум может быть использован факультетами иностранных языков для обучения испанскому языку как второму, курсами иностранных языков и для самостоятельного изучения испанского языка.

Учебное пособие – практикум ставит цель научить практическому владению испанским языком

Практическая направленность учебного пособия – практикума определила его структуру и подачу грамматического материала.

По итогам курса обучающийся должен

Знать

– правила сохранения отношений «тема—рема» исходного текста (ИТ)

– основные правила перевода безэквивалентной лексики

Уметь

– проводить анализ причинной обусловленности принятых переводчиком решений и действий,

– определять тип переводческих модификаций в переводном тексте

– анализировать жанрово-стилистические параметры тек-

ста под углом решения переводческих задач

– применять иностранный язык для решения профессиональных вопросов;

Владеть

- навыками распознавания и объяснения переводческих решений;
- навыками использования грамматических и лексических единиц в письменной и устной речи.

Целью данного пособия является получение студентами базовых теоретических знаний и практических навыков, необходимых в дальнейшем для осуществления профессиональной и научной деятельности. Учебное пособие призвано развить языковую компетенцию обучающихся, связанную с освоением новых языковых знаний, совершенствованием сформированных языковых навыков и их овладением до уровня употребления в письменной и устной речи. Материал пособия поможет студентам лучше усвоить лексический и грамматический материал, научит их применять эти знания при выполнении заданий как пассивного (чтение, перевод), так и активного (создание текста или высказывания) характера. Пособие помогает студентам осваивать такие учебники по данной дисциплине, как И. А. Дышлевая «Курс испанского языка для продолжающих». СПб, 2017; Е. И. Родригес-Данилевская, А. И. Патрушев, И. Л. Степунина «Учебник испанского языка». М., 2015; В. А. Иовенко «Практический курс перевода. Испанский язык» Москва,

2001 и др. Ко всем упражнениям в качестве педагогического принципа предлагается применять постулаты коммуникативного подхода.

Часть 1.1

No era el hombre más honesto ni el más piadoso, pero era un hombre valiente. Se llamaba Diego Alatríste y Tenorio, y había luchado como soldado de los tercios viejos en las guerras de Flandes. Cuando lo conocí malvivía en Madrid, alquilándose por cuatro maravedíes en trabajos de poco lustre, a menudo en calidad de espadachín por cuenta de otros que no tenían la destreza o los arrestos para solventar sus propias querellas. Ya saben: un marido cornudo por aquí, un pleito o una herencia dudosa por allá, deudas de juego pagadas a medias y algunos etcéteras más. Ahora es fácil criticar eso; pero en aquellos tiempos la capital de las Españas era un lugar donde la vida había que buscársela a salto de mata, en una esquina, entre el brillo de dos aceros. En todo esto Diego Alatríste se desempeñaba con holgura. Tenía mucha destreza a la hora de tirar de espada, y manejaba mejor, con el disimulo de la zurda, esa daga estrecha y larga llamada por algunos vizcaína, con que los reñidores profesionales se ayudaban a menudo. Una de cal y otra de vizcaína, solía decirse. El adversario estaba ocupado largando y parando estocadas con fina esgrima, y de pronto le venía por abajo, a las tripas, una cuchillada corta como un relámpago que no daba tiempo ni a pedir confesión. Sí. Ya he dicho a vuestras mercedes que eran años duros.

El capitán Alatríste, por lo tanto, vivía de su espada. Hasta

donde yo alcanzo, lo de capitán era más un apodo que un grado efectivo. El mote venía de antiguo: cuando, desempeñándose de soldado en las guerras del Rey, tuvo que cruzar una noche con otros veintinueve compañeros y un capitán de verdad cierto río helado, imagínense, viva España y todo eso, con la espada entre los dientes y en camisa para confundirse con la nieve, a fin de sorprender a un destacamento holandés. Que era el enemigo de entonces porque pretendían proclamarse independientes, y si te he visto no me acuerdo. El caso es que al final lo fueron, pero entre tanto los fastidiamos bien. Volviendo al capitán, la idea era sostenerse allí, en la orilla de un río, o un dique, o lo que diablos fuera, hasta que al alba las tropas del Rey nuestro señor lanzasen un ataque para reunirse con ellos. Total, que los herejes fueron debidamente acuchillados sin darles tiempo a decir esta boca es mía. Estaban durmiendo como marmotas, y en ésas salieron del agua los nuestros con ganas de calentarse y se quitaron el frío enviando herejes al infierno, o a donde vayan los malditos luteranos. Lo malo es que luego vino el alba, y se adentró la mañana, y el otro ataque español no se produjo. Cosas, contaron después, de celos entre maestros de campo y generales. Lo cierto es que los treinta y uno se quedaron allí abandonados a su suerte, entre reniegos, por vidas de y votos a tal, rodeados de holandeses dispuestos a vengar el degüello de sus camaradas. Más perdidos que la Armada Invencible del buen Rey Don Felipe el Segundo. Fue un día largo y muy duro. Y para que se hagan idea vuestras mercedes, sólo dos españoles consiguieron regresar a la otra

orilla cuando llegó la noche. Diego Alatríste era uno de ellos, y como durante toda la jornada había mandado la tropa -al capitán de verdad lo dejaron listo de papeles en la primera escaramuza, con dos palmos de acero saliéndole por la espalda-, se le quedó el mote, aunque no llegara a disfrutar ese empleo. Capitán por un día, de una tropa sentenciada a muerte que se fue al carajo vendiendo cara su piel, uno tras otro, con el río a la espalda y blasfemando en buen castellano. Cosas de la guerra y la vorágine. Cosas de España.

Прочитайте текст 1.1., переводя на русский язык испанские фразы.

Нет, он был не самый честный и не самый милосердный человек на свете. Se llamaba Diego Alatríste y Tenorio, y había luchado como soldado de los tercios viejos en las guerras de Flandes. Когда мы познакомились, он жил в Мадриде; жил, по правде говоря, скудно и трудно, кое-как сводя концы с концами, зарабатывая себе на пропитание разными малопочтенными занятиями: ну, например, превосходно владея шпагой, предлагал свои услуги тем, у кого не хватало мужества или мастерства справиться с собственными неприятностями самим. Ya saben: un marido cornudo por aquí, un pleito o una herencia dudosa por allá, deudas de juego pagadas a medias y algunos etcéteras más. Ahora es fácil criticar eso; pero en aquellos tiempos la capital de las Españas era un lugar donde la vida había que buscársela a salto de mata, en una esquina, entre

el brillo de dos aceros. *С такими делами Диего Алатристе справлялся блистательно.* Tenía mucha destreza a la hora de tirar de espada, y manejaba mejor, con el disimulo de la zurda, esa daga estrecha y larga llamada por algunos vizcaína, con que los reñidores profesionales se ayudaban a menudo. *Ну, значит, в правой – шпага, в левой – бискаец, как его обычно называли.* El adversario estaba ocupado largando y parando estocadas con fina esgrima, y de pronto le venia por abajo, a las tripas, una cuchillada corta como un relámpago que no daba tiempo ni a pedir confesión. *Да... Говорю ж вам, господа, времена были лихие.* El capitán Alatraste, por lo tanto, vivía de su espada. *Кстати, насколько я знаю, «капитан» – это было не звание, а прозвище.* El mote venía de antiguo: cuando, desempeñándose de soldado en las guerras del Rey, tuvo que cruzar una noche con otros veintinueve compañeros y un capitán de verdad cierto río helado, imagínense, viva España y todo eso, con la espada entre los dientes y en camisa para confundirse con la nieve, a fin de sorprender a un destacamento holandés. *Потому что в тот год воевали мы с голландцами, которые высказались в том смысле, что знать нас больше не знают и видеть не хотят, то есть вздумали провозгласить независимость.* El caso es que al final lo fueron, pero entre tanto los fastidiamos bien. Возвращаясь к капитану....замысел состоял в том, чтобы форсировать реку, закрепиться на берегу, на отмели, у запруды или еще дьявол знает где и держаться, пока на рассвете войска его – нашего то есть – королевского величества не пойдут

в атаку и не соединятся с ними. Total, que los herejes fueron debidamente acuchillados sin darles tiempo a decir esta boca es mía. *Когда околевишие от холода наши стали выпрыгивать из воды и для сугреву резать еретиков, те дрыхли как сурки и так вот, не просыпаясь, отправились прямо в пекло, ну или где им, проклятым лютеранам, уготовано место.*

Lo malo es que luego vino el alba, y se adentró la mañana, y el otro ataque español no se produjo. *Как потом выяснилось, чего-то там между собой не поделили наши полководцы.* Lo cierto es que los treinta y uno se quedaron allí abandonados a su suerte, entre reniegos, por vidas de y votos a tal, rodeados de holandeses dispuestos a vengar el degüello de sus camaradas. *Тухлое вышло дело, тухлей, чем у Непобедимой армады, что утонула при нашем славном государе Филиппе Втором.* Fue un día largo y muy duro. *Для ясности упомяну лишь, что с наступлением темноты только двоим удалось вернуться на наш берег.* Diego Alatríste era uno de ellos, y como durante toda la jornada había mandado la tropa -al capitán de verdad lo dejaron listo de papeles en la primera escaramuza, con dos palmos de acero saliéndole por la espalda-, se le quedó el mote, aunque no llegara a disfrutar ese empleo. *Калиф на час, капитан на день, командир прижатого к реке отряда обреченных, которые дорого продали свою шкуру и один за другим, матерясь, как пристало истинным кастильцам, убыли на тот свет. Что ж, бывает – война убивает, вода топит. Нам, испанцам, не привыкать.*

Задание 1.1. Прочитайте текст 1.1, переводя на испанский язык русские фразы.

Задание 1.2. Прочитайте текст 1.1., переводя на русский язык испанские фразы.

No era el hombre más honesto ni el más piadoso, pero era un hombre valiente. Звали его *Диего Алатристе-и-Тенорио*, некогда служил он в солдатах, воевал во Фландрии. Cuando lo conocí malvivía en Madrid, alquilándose por cuatro maravedíes en trabajos de poco lustre, a menudo en calidad de espadachín por cuenta de otros que no tenían la destreza o los arrestos para solventar sus propias querellas. Вот и приглашали нашего капитана вступить за честь обманутого мужа, доказать невесть откуда взявшимися наследникам всю неосновательность их притязаний, а с кого-то, скажем, получить просроченный или недоплаченный карточный должок. Ну и прочее в том же роде. Ahora es fácil criticar eso; pero en aquellos tiempos la capital de las Españas era un lugar donde la vida había que buscársela a salto de mata, en una esquina, entre el brillo de dos aceros. En todo esto Diego Alatríste se desempeñaba con holgura. Проворен был он в тот миг, когда шпаги вылетали из ножен, искусен в обращении с узким длинным кинжалом, именуемым еще *бискайцем*, к помощи которого так охотно прибегают профессиональные *головорезы*. Una de cal y otra de vizcaína, solía decirse.

Противник, чинно став в позицию, намеревается парировать и наносить удары по всем правилам фехтовальной изысканности, и тут вдруг откуда-то снизу по самую рукоять въезжает ему прямо в брюхо кинжал, стремительный, как молния, и не менее смертоносный. Sí. Ya he dicho a vuestras mercedes que eran años duros. Итак, капитан Ала-тристе хлеб свой насыщенный добывал ипагой. Hasta donde yo alcanzo, lo de capitán era más un apodo que un grado efectivo. Пристало же оно к нему издавна, с тех пор как он служил в королевской пехоте и однажды ночью вместе с двадцатью девятью товарищами под началом настоящего капитана должен был переплыть полузамерзшую речку и, со ипагой в зубах, раздевшись до исподнего, чтоб не выделяться на снегу – господи, чего только не сделаешь во славу Испании! – незаметно подобраться к аванпостам противника и напасть на голландцев врасплох. Que era el enemigo de entonces porque pretendían proclamarse independientes, y si te he visto no me acuerdo. Вышло в конечном счете так, как они хотели, хоть и доставалось им от нас крепко. Volviendo al capitán, la idea era sostenerse allí, en la orilla de un río, o un dique, o lo que diablos fuera, hasta que al alba las tropas del Rey nuestro señor lanzasen un ataque para reunirse con ellos. Коро-че, передовое охранение, как полагается, перекололи, не дав даже «мама» сказать. Estaban durmiendo como marmotas, y en ésas salieron del agua los nuestros con ganas de calentarse y se quitaron el frío enviando herejes al infierno, o a donde vayan

los malditos luteranos. Все было хорошо, одно плохо: пришел рассвет, настало утро, а на выручку к нашим храбрцам никто не подоспел, главные силы испанского войска так и не ударили. Cosas, contaron después, de celos entre maestros de campo y generales. *Чтоб не рассусоливать, скажу, что тридцать испанцев с капитаном во главе брошены оказались на произвол судьбы, предоставлены самим себе – хоть молись, хоть бранись, хоть помирать ложись – и окружены голландцами, которые были весьма расположены сквитаться с ними за своих зарезанных товарищей.* Más perdidos que la Armada Invencible del buen Rey Don Felipe el Segundo. *Денек выдался долгий и, прямо сказать, тяжкий.* Y para que se hagan idea vuestras mercedes, sólo dos españoles consiguieron regresar a la otra orilla cuando llegó la noche. *И одним из этих двоих был Диего Алатристе, который, когда настоящего капитана еще при самом начале, в первой же стычке пропороли насквозь, так что стальное острие вышло из-под лопатки пяди на две, вскричал: «Слушай мою команду!» – вот и стали к нему обращаться «капитан», хоть он и не успел толком походить в этом чине.* Capitán por un día, de una tropa sentenciada a muerte que se fue al carajo vendiendo cara su piel, uno tras otro, con el río a la espalda y blasfemando en buen castellano. Cosas de la guerra y la voráGINE. Cosas de España.

1.3. Прочитайте текст 1.1., переводя на испанский язык русские фразы.

1.4. Переведите текст на испанский язык

Нет, он был не самый честный и не самый милосердный человек на свете. А вот потягаться с ним в отваге смогли бы немногие. Звали его Диего Алатристе-и-Тенорио, некогда служил он в солдатах, воевал во Фландрии, а в пору нашего с ним знакомства жил в Мадриде. Жил, по правде говоря, скудно и трудно, кое-как сводя концы с концами, зарабатывая себе на пропитание разными малопочтенными занятиями: ну, например, превосходно владея шпагой, предлагал свои услуги тем, у кого не хватало мужества или мастерства справиться с собственными неприятностями самим. Вот и приглашали нашего капитана вступить за честь обманутого мужа, доказать невесть откуда взявшимся наследникам всю неосновательность их притязаний, а с кого-то, скажем, получить просроченный или недоплаченный карточный должок. Ну и прочее в том же роде. Не судите, господа, слишком строго – в те времена в испанской столице многие кормились, так сказать, с острия клинка, поджидая жертву где-нибудь в кустах или затевая с ней ссору на перекрестке. С такими делами Диего Алатристе справлялся блистательно. Проворен был он в тот миг, когда шпаги вылетали из ножен, искусен в обращении с узким длинным кинжалом, именуемым еще бискайцем, к помощи которого так охотно прибегают профессиональные головорезы. Ну, значит, в пра-

вой – шпага, в левой – бискаец. Противник, чинно став в позицию, намеревается парировать и наносить удары по всем правилам фехтовальной изысканности, и тут вдруг откуда-то снизу по самую рукоять въезжает ему прямо в брюхо кинжал, стремительный, как молния, и не менее смертоносный. Да... Говорю ж вам, господа, времена были лихие.

Итак, капитан Алатристе хлеб свой насущный добывал шпагой. Кстати, насколько я знаю, «капитан» – это было не звание, а прозвище. Пристало же оно к нему издавна, с тех пор как он служил в королевской пехоте и однажды ночью вместе с двадцатью девятью товарищами под началом настоящего капитана должен был переплыть полузамерзшую речку и, со шпагой в зубах, раздевшись до исподнего, чтоб не выделяться на снегу – господи, чего только не сделаешь во славу Испании! – незаметно подобраться к аванпостам противника и напасть на голландцев врасплох. Почему на голландцев? Потому что в тот год воевали мы с голландцами, которые высказались в том смысле, что знать нас больше не знают и видеть не хотят, то есть вздумали провозгласить независимость. Вышло в конечном счете по-ихнему, хоть и доставалось им от нас крепко. Ну, замысел состоял в том, чтобы форсировать реку, закрепиться на берегу, на отмели, у запруды или еще дьявол знает где и держаться, пока на рассвете войска его – нашего то есть – королевского величества не пойдут в атаку и не соединятся с ними. Короче, передовое охранение, как полагается, перекололи, не дав

даже «мама» сказать. Когда околевшие от холода наши стали выпрыгивать из воды и для сугреву резать еретиков, те дрыхли как сурки и так вот, не просыпаясь, отправились прямо в пекло, ну или где им, проклятым лютеранам, уготовано место. Все было хорошо, одно плохо: пришел рассвет, настало утро, а на выручку к нашим храбрецам никто не подоспел, главные силы испанского войска так и не ударили. Как потом выяснилось, чего-то там между собой не поделили наши полководцы. Чтоб не рассусоливать, скажу, что тридцать испанцев с капитаном во главе брошены оказались на произвол судьбы, предоставлены самим себе – хоть молись, хоть бранись, хоть помирать ложись – и окружены голландцами, которые были весьма расположены сквитаться с ними за своих зарезанных товарищей. Тухлое вышло дело, тухлей, чем у Непобедимой армады, что утопла при нашем славном государе Филиппе Втором. Денек выдался долгий и, прямо сказать, тяжкий. Для ясности упомяну лишь, что с наступлением темноты только двоим удалось вернуться на наш берег. И одним из этих двоих был Диего Алатристе, который, когда настоящего капитана еще при самом начале, в первой же стычке пропорол насквозь, так что стальное острие вышло из-под лопатки пяди на две, вскричал: «Слушай мою команду!» – вот и стали к нему обращаться «капитан», хоть он и не успел толком походить в этом чине. Калиф на час, капитан на день, командир прижатого к реке отряда обреченных, которые дорого продали свою шкуру и один за другим,

матерясь, как пристало истинным кастильцам, убыли на тот свет. Что ж, бывает – война убивает, вода топит. Нам, испанцам, не привыкать.

Задание 1.5. Найдите в испанском тексте эквиваленты следующим выражениям и объясните историко-культурный контекст их появления в испанском языке

- *Потягаться в отваге*
- *Сводить концы с концами*
- *Лихие были времена*
- *Калиф на час*
- *Дорого продать свою шкуру*

Часть 2.1

En fin. Mi padre fue el otro soldado español que regresó aquella noche. Se llamaba Lope Balboa, era guipuzcoano y también era un hombre valiente. Dicen que Diego Alatriste y él fueron muy buenos amigos, casi como hermanos; y debe de ser cierto porque después, cuando a mi padre lo mataron de un tiro de arcabuz en un baluarte de Jülich -por eso Diego Velázquez no llegó a sacarlo más tarde en el cuadro de la toma de Breda como a su amigo y tocayo Alatriste, que sí está allí, tras el caballo-, le juró ocuparse de mí cuando fuera mozo. Ésa es la razón de que, a punto de cumplir los trece años, mi madre metiera una camisa, unos calzones, un rosario y un mendrugo de pan en un hatillo, y me mandara a vivir con el capitán, aprovechando el viaje de un primo suyo que venía a Madrid. Así fue como entré a servir, entre criado y paje, al amigo de mi padre.

Una confidencia: dudo mucho que, de haberlo conocido bien, la autora de mis días me hubiera enviado tan alegremente a su servicio. Pero supongo que el título de capitán, aunque fuera apócrifo, le daba un barniz honorable al personaje. Además, mi pobre madre no andaba bien de salud y tenía otras dos hijas que alimentar. De ese modo se quitaba una boca de encima y me daba la oportunidad de buscar fortuna en la Corte. Así que me facturó con su primo sin preocuparse de indagar más detalles, acompañado de una extensa carta, escrita por el cura

de nuestro pueblo, en la que recordaba a Diego Alatriste sus compromisos y su amistad con el difunto. Recuerdo que cuando entré a su servicio había transcurrido poco tiempo desde su regreso de Flandes, porque una herida fea que tenía en un costado, recibida en Fleurus, aún estaba fresca y le causaba fuertes dolores; y yo, recién llegado, tímido y asustadizo como un ratón, lo escuchaba por las noches, desde mi jergón, pasear arriba y abajo por su cuarto, incapaz de conciliar el sueño. Y a veces le oía canturrear en voz baja coplillas entrecortadas por los accesos de dolor, versos de Lope, una maldición o un comentario para sí mismo en voz alta, entre resignado y casi divertido por la situación. Eso era muy propio del capitán: encarar cada uno de sus males y desgracias como una especie de broma inevitable a la que un viejo conocido de perversas intenciones se divertiera en someterlo de vez en cuando. Quizá ésa era la causa de su peculiar sentido del humor áspero, inmutable y desesperado.

Ha pasado muchísimo tiempo y me embrollo un poco con las fechas. Pero la historia que voy a contarles debió de ocurrir hacia el año mil seiscientos y veintitantos, poco más o menos. Es la aventura de los enmascarados y los dos ingleses, que dio no poco que hablar en la Corte, y en la que el capitán no sólo estuvo a punto de dejar la piel remendada que había conseguido salvar de Flandes, del turco y de los corsarios berberiscos, sino que le costó hacerse un par de enemigos que ya lo acosarían durante el resto de su vida. Me refiero al secretario del Rey nuestro señor, Luis de Alquézar, y a su siniestro sicario italiano,

aquel espadachín callado y peligroso que se llamó Gualterio Malatesta, tan acostumbrado a matar por la espalda que cuando por azar lo hacía de frente se sumía en profundas depresiones, imaginando que perdía facultades. También fue el año en que yo me enamoré como un becerro y para siempre de Angélica de Alquézar, perversa y malvada como sólo puede serlo el Mal encarnado en una niña rubia de once o doce años. Pero cada cosa la contaremos a su tiempo.

Задание 2.1. Прочитайте текст 2.1., переводя на русский язык испанские фразы.

En fin. Вторым из тех, кто уцелел в том бою и выбрался на наш берег, был мой отец. Se llamaba Lope Balboa, era guipuzcoano y también era un hombre valiente.

Говорили, что они с Диего Алатристе – закадычные друзья, почти братья, и, должно быть, правду говорили, ибо, когда при штурме бастиона Юлих отца моего произошла аркебузная пуля – отчего он и не попал на картину «Сдача Бреды», не в пример своему другу и тезке Алатристе, которого-то художник Веласкес как раз запечатлел на ней справа, прямо за лошадиным крупом, – капитан поклялся, что не оставит меня и, как подрасту, выведет в люди.

Ésa es la razón de que, a punto de cumplir los trece años, mi madre metiera una camisa, unos calzones, un rosario y un mendrugo de pan en un hatillo, y me mandara a vivir con el capitán, aprovechando el viaje de un primo suyo que venía

a Madrid. *Так вот и поступил я к другу моего отца не то на службу, не то в услужение.*

Una confidencia: dudo mucho que, de haberlo conocido bien, la autora de mis días me hubiera enviado tan alegremente a su servicio. *Положа руку на сердце, скажу, что едва ли женищина, подарившая мне жизнь, так легко бы отпустила меня, знай она получше, к кому я попаду.* Además, mi pobre madre no andaba bien de salud y tenía otras dos hijas que alimentar. *А потому она обрадовалась, что избавится от лишнего рта, и дала мне возможность попытать счастья в столице.* Así que me facturó con su primo sin preocuparse de indagar más detalles, acompañado de una extensa carta, escrita por el cura de nuestro pueblo, en la que recordaba a Diego Alatriste sus compromisos y su amistad con el difunto. *Помнится, когда я только попал к капитану, он совсем недавно вернулся из Фландрии и жуткая рана, полученная им под Флёрюсом, была еще свежа и доставляла ему много мучений, так что, затаясь на своем топчане, подобно мышке, робкой и пугливой, слышал я, как всю ночь напролет ходит он по комнате из угла в угол, как мерит ее шагами вдоль и поперек, не в силах забыться сном.*

Y a veces le oía canturrear en voz baja coplillas entrecortadas por los accesos de dolor, versos de Lope, una maldición o un comentario para sí mismo en voz alta, entre resignado y casi divertido por la situación. *Капитану вообще свойственно было считать всякое несчастье или беду не более чем злой*

шуткой, которую по извращенности вкуса и в видах собственного удовольствия шутит над ним время от времени какой-то давний его знакомец. Quizá ésa era la causa de su peculiar sentido del humor áspero, inmutable y desesperado.

Давно все это было – так давно, что иные даты стали путаться у меня в памяти. Pero la historia que voy a contarles debió de ocurrir hacia el año mil seiscientos y veintitantos, poco más o menos. История с людьми в масках и двумя англичанами породила немало толков при дворе, а капитана, хоть он чудом и спас свою шкуру, и без того изрядно попорченную голландскими солдатами, берберийскими пиратами, да и турками не раз дырявленную, наделила двумя врагами, не дававшими ему покою и роздыху до самой могилы.

Me refiero al secretario del Rey nuestro señor, Luis de Alquézar, y a su siniestro sicario italiano, aquel espadachín callado y peligroso que se llamó Gualterio Malatesta, tan acostumbrado a matar por la espalda que cuando por azar lo hacía de frente se sumía en profundas depresiones, imaginando que perdía facultades. *В тот самый год влюбился я, как телок, влюбился впервые и навсегда в Анхелику де Алькесар, существо порочное и испорченное, воплощенное зло, принявшее облик беленькой девочки лет одиннадцати-двенадцати. Но впрочем, обо всем по порядку.*

Задание 2.2. Прочитайте текст 2.1., переводя на испанский язык русские фразы.

Задание 2.3. Прочитайте текст 2.2., переводя на русский язык испанские фразы

Ну, короче. Mi padre fue el otro soldado español que regresó aquella noche. Звали его Лопе Бальбоа, был он родом из провинции Гипускоа и тоже не трус. Dicen que Diego Alatraste y él fueron muy buenos amigos, casi como hermanos; y debe de ser cierto porque después, cuando a mi padre lo mataron de un tiro de arcabuz en un baluarte de Jülich -por eso Diego Velázquez no llegó a sacarlo más tarde en el cuadro de la toma de Breda como a su amigo y tocayo Alatraste, que sí está allí, tras el caballo-, le juró ocuparse de mí cuando fuera mozo. По этой самой причине, едва лишь минуло мне тринадцать, мать сложила в котомку итаны да рубашку, освященные четки да краюшку хлеба и отправила меня к капитану, благо было с кем – двоюродный ее брат очень кстати ехал в Мадрид.

Así fue como entré a servir, entre criado y paje, al amigo de mi padre.

Положа руку на сердце, скажу, что едва ли женщина, подарившая мне жизнь, так легко бы отпустила меня, зная она получше, к кому я попаду. Pero supongo que el título de capitán, aunque fuera apócrifo, le daba un barniz honorable al personaje. Примите также в расчет и то, что при слабом здоровье у нее на руках были еще две дочери. De ese modo se quitaba una boca de encima y me daba la oportunidad de buscar fortuna en la Corte. Таким-то вот манером, не обременяя

себя подробными расспросами о грядущем моем благодетеле, снарядила она сына в дорогу, сопроводив пространным письмом, которое написал под ее диктовку наш приходский священник, а в письме этом напоминала Диего Алатристе, какие обязательства взял он, какие обещания дал в память дружества с моим покойным отцом

Recuerdo que cuando entré a su servicio había transcurrido poco tiempo desde su regreso de Flandes, porque una herida fea que tenía en un costado, recibida en Fleurus, aún estaba fresca y le causaba fuertes dolores; y yo, recién llegado, tímido y asustadizo como un ratón, lo escuchaba por las noches, desde mi jergón, pasear arriba y abajo por su cuarto, incapaz de conciliar el sueño.

Когда же боль на время отступала, вперемежку слетали с его уст строчка Лопе, куплет какой-то песенки, брань или обращенное к самому себе замечание, свидетельствующее о том, что он воспринимает все, что стряслось с ним, как должное и даже находит в этом нечто забавное.

Eso era muy propio del capitán: encarar cada uno de sus males y desgracias como una especie de broma inevitable a la que un viejo conocido de perversas intenciones se divertiera en someterlo de vez en cuando. *He tem ли объяснялось и своеобразие его остроумия – бесстрастно-горького и безнадежно-мрачного?*

Ha pasado muchísimo tiempo y me embrollo un poco con las fechas. *Однако твердо помню – то, о чем я собираюсь вам по-*

ведать, произошло в тысяча шестьсот двадцать каком-то году.

Es la aventura de los enmascarados y los dos ingleses, que dio no poco que hablar en la Corte, y en la que el capitán no sólo estuvo a punto de dejar la piel remendada que había conseguido salvar de Flandes, del turco y de los corsarios berberiscos, sino que le costó hacerse un par de enemigos que ya lo acosarían durante el resto de su vida. *Я имею в виду Луиса де Альке-сара, исполнявшего при нашем государе секретарские обя-занности, и опаснейшего наемного убийцу, молчаливого ита-льянского головореза по имени Гвальтерио Малатеста, ко-торый до такой степени привык убивать в спину, что впа-дал в глубочайшую тоску всякий раз, как должен был нане-сти смертельный удар, глядя жертве в глаза, ибо в сем слу-чае мнилось ему, будто он лишился умения своего и навыка.*

También fue el año en que yo me enamoré como un becerro y para siempre de Angélica de Alquézar, perversa y malvada como sólo puede serlo el Mal encarnado en una niña rubia de once o doce años. *Но впрочем, обо всем по порядку.*

Задание 2.4. Прочитайте текст 2.2., переводя на ис-панский язык русские фразы.

Задание 2.5. Переведите текст на испанский язык.

Ну, короче. Вторым из тех, кто уцелел в том бою и выбрал-ся на наш берег, был мой отец. Звали его Лопе Бальбоа, был

он родом из провинции Гипускоа и тоже не трус. Говорили, что они с Диего Алатристе – закадычные друзья, почти братья, и, должно быть, правду говорили, ибо, когда при штурме бастиона Юлих отца моего прошла аркебузная пуля – отчего он и не попал на картину «Сдача Бреды», не в пример своему другу и тезке Алатристе, которого-то художник Веласкес как раз запечатлел на ней справа, прямо за лошадиным крупом, – капитан поклялся, что не оставит меня и, как подрасту, выведет в люди. По этой самой причине, едва лишь минуло мне тринадцать, мать сложила в котомку штаны да рубашку, освященные четки да краюшку хлеба и отправила меня к капитану, благо было с кем – двоюродный ее брат очень кстати ехал в Мадрид. Так вот и поступил я к другу моего отца не то на службу, не то в услужение.

Положа руку на сердце, скажу, что едва ли женщина, подарившая мне жизнь, так легко бы отпустила меня, знай она получше, к кому я попаду. Думается мне, однако, что чин, пусть и ненастоящий, возвысил его обладателя в глазах моей родительницы. Примите также в расчет и то, что при слабом здоровье у нее на руках были еще две дочери. А потому она обрадовалась, что избавится от лишнего рта, и дала мне возможность попытать счастья в столице. Таким-то вот манером, не обременяя себя подробными расспросами о грядущем моем благодетеле, снарядила она сынка в дорогу, сопроводив пространном письмом, которое написал под ее диктовку наш приходский священник, а в письме этом на-

поминала Диего Алатристе, какие обязательства взял он, какие обещания дал в память дружества с моим покойным отцом. Помнится, когда я только попал к капитану, он совсем недавно вернулся из Фландрии и жуткая рана, полученная им под Флёрюсом, была еще свежа и доставляла ему много мучений, так что, затаясь на своем топчане, подобно мышке, робкой и пугливой, слышал я, как всю ночь напролет ходит он по комнате из угла в угол, как мерит ее шагами вдоль и поперек, не в силах забыться сном. Когда же боль на время отступала, вперемежку слетали с его уст строчка Лопе, куплет какой-то песенки, брань или обращенное к самому себе замечание, свидетельствующее о том, что он воспринимает все, что стряслось с ним, как должное и даже находит в этом нечто забавное. Капитану вообще свойственно было считать всякое несчастье или беду не более чем злой шуткой, которую по извращенности вкуса и в видах собственного удовольствия шутит над ним время от времени какой-то давний его знакомец. Не тем ли объяснялось и своеобразие его остроумия – бесстрастно-горького и безнадежно-мрачного?

Давно все это было – так давно, что иные даты стали путаться у меня в памяти. Однако твердо помню – то, о чем я собираюсь вам поведать, произошло в тысяча шестьсот двадцать каком-то году. История с людьми в масках и двумя англичанами породила немало толков при дворе, а капитана, хоть он чудом и спас свою шкуру, и без того изрядно

попорченную голландскими солдатами, берберийскими пиратами, да и турками не раз дырявленную, наделила двумя врагами, не дававшими ему покою и роздыху до самой могилы. Я имею в виду Луиса де Алькесара, исполнявшего при нашем государе секретарские обязанности, и опаснейшего наемного убийцу, молчаливого итальянского головореза по имени Гвальтерио Малатеста, который до такой степени привык убивать в спину, что впадал в глубочайшую тоску всякий раз, как должен был нанести смертельный удар, глядя жертве в глаза, ибо в сем случае мнилось ему, будто он лишился умения своего и навыка. В тот самый год влюбился я, как телок, влюбился впервые и навсегда в Анхелику де Алькесар, существо порочное и испорченное, воплощенное зло, принявшее облик беленькой девочки лет одиннадцати-двенадцати. Но впрочем, обо всем по порядку.

Задание 2.6. Найдите в испанском тексте эквиваленты следующим выражениям и объясните историко-культурный контекст их появления в испанском языке

- Положа руку на сердце
- Избавиться от лишнего рта
- Принять в расчет
- Попытаться счастья
- Породить толки

Часть 3.1

Me llamo Íñigo. Y mi nombre fue lo primero que pronunció el capitán Alatraste la mañana en que lo soltaron de la vieja cárcel de Corte, donde había pasado tres semanas a expensas del Rey por impago de deudas. Lo de las expensas es un modo de hablar, pues tanto en ésta como en las otras prisiones de la época, los únicos lujos -y en lujos incluíase la comida- eran los que cada cual podía pagarse de su bolsa. Por fortuna, aunque al capitán lo habían puesto en galeras casi ayuno de dineros, contaba con no pocos amigos. Así que entre unos y otros lo fueron socorriendo durante su encierro, más llevadero merced a los potajes que Caridad la Lebrijana, la dueña de la taberna del Turco, le enviaba conmigo de vez en cuando, y a algunos reales de a cuatro que le hacían llegar sus compadres Don Francisco de Quevedo, Juan Vicuña y algún otro. En cuanto al resto, y me refiero a los percances propios de la prisión, el capitán sabía guardarse como nadie. Notoria era en aquel tiempo la afición carcelaria a aligerar de bienes, ropas y hasta de calzado a los mismos compañeros de infortunio. Pero Diego Alatraste era lo bastante conocido en Madrid; y quien no lo conocía no tardaba en averiguar que era más saludable andársele con mucho tiento. Según supe después, lo primero que hizo al ingresar en el estaribel fue irse derecho al más peligroso jaque entre los reclusos y, tras saludarlo con mucha política, ponerle en el gaznate una cuchilla corta de

matarife, que había podido conservar merced a la entrega de unos maravedíes al carcelero. Eso fue mano de santo. Tras aquella inequívoca declaración de principios nadie se atrevió a molestar al capitán, que en adelante pudo dormir tranquilo envuelto en su capa en un rincón más o menos limpio del establecimiento, protegido por su fama de hombre de hígados.

Después, el generoso reparto de los potajes de la Lebrijana y las botellas de vino compradas al alcaide con el socorro de los amigos aseguraron sólidas lealtades en el recinto, incluida la del rufián del primer día, un cordobés que tenía por mal nombre Bartolo Cagafuego, quien a pesar de andar en jácaras como habitual de llamarse a iglesia y frecuentar galeras, no resultó nada rencoroso. Era ésa una de las virtudes de Diego Alatraste: podía hacer amigos hasta en el infierno.

Parece mentira. No recuerdo bien el año -era el veintidós o el veintitrés del siglo-, pero de lo que estoy seguro es de que el capitán salió de la cárcel una de esas mañanas azules y luminosas de Madrid, con un frío que cortaba el aliento. Desde aquel día que -ambos todavía lo ignorábamos- tanto iba a cambiar nuestras vidas, ha pasado mucho tiempo y mucha agua bajo los puentes del Manzanares; pero todavía me parece ver a Diego Alatraste flaco y sin afeitarse, parado en el umbral con el portón de madera negra claveteada cerrándose a su espalda. Recuerdo perfectamente su parpadeo ante la claridad cegadora de la calle, con aquel espeso bigote que le ocultaba el labio superior, su delgada silueta envuelta en la capa, y el sombrero de ala ancha

bajo cuya sombra entornaba los ojos claros, deslumbrados, que parecieron sonreír al divisarme sentado en un poyete de la plaza. Había algo singular en la mirada del capitán: por una parte era muy clara y muy fría, glauca como el agua de los charcos en las mañanas de invierno. Por otra, podía quebrarse de pronto en una sonrisa cálida y acogedora, como un golpe de calor fundiendo una placa de hielo, mientras el rostro permanecía serio, inexpresivo o grave. Poseía, aparte de ésta, otra sonrisa más inquietante que reservaba para los momentos de peligro o de tristeza: una mueca bajo el mostacho que torcía éste ligeramente hacia la comisura izquierda y siempre resultaba amenazadora como una estocada -que solía venir acto seguido-, o fúnebre como un presagio cuando acudía al hilo de varias botellas de vino, de esas que el capitán solía despachar a solas en sus días de silencio. Azumbre y medio sin respirar, y aquel gesto para secarse el mostacho con el dorso de la mano, la mirada perdida en la pared de enfrente. Botellas para matar a los fantasmas, solía decir él, aunque nunca lograba matarlos del todo.

3.2. Прочитайте текст 3.1., переводя на русский язык испанские фразы

Me llamo Íñigo. И это было первое слово, которое произнес капитан Алатристе, выйдя из тюрьмы, где за долги просидел три недели, кормясь от щедрот казны. Lo de las expensas es un modo de hablar, pues tanto en ésta como en las otras prisiones de la época, los únicos lujos -y en lujos incluíase la

comida- eran los que cada cual podía pagarse de su bolsa. *А у капитана в кармане оказалась лишь полузадушенная арканом блоха – зато, по счастью, остались друзья на воле.*

Así que entre unos y otros lo fueron socorriendo durante su encierro, más llevadero merced a los potajes que Caridad la Lebrijana, la dueña de la taberna del Turco, le enviaba conmigo de vez en cuando, y a algunos reales de a cuatro que le hacían llegar sus compadres Don Francisco de Quevedo, Juan Viciña y algún otro. *Что же до всего прочего – а под «прочим» я разумею неотъемлемые от каталажски неприятности, – капитан был из тех, кто одинаково хорошо умеет себя поставить и за себя постоять.*

Notoria era en aquel tiempo la afición carcelaria a aligerar de bienes, ropas y hasta de calzado a los mismos compañeros de infortunio.

Но Диего Алатристе был в Мадриде человек известный, ну а тот, кто не знал его прежде, очень скоро получал возможность убедиться, что обходиться с капитаном следует как можно – или нельзя – более учтиво: оно для здоровья полезней.

Según supe después, lo primero que hizo al ingresar en el estaribel fue irse derecho al más peligroso jaque entre los reclusos y, tras saludarlo con mucha política, ponerle en el gznate una cuchilla corta de matarife, que había podido conservar merced a la entrega de unos maravedíes al carcelero. *Этот демарш возымел последствия чудодейственные.*

Tras aquella inequívoca declaración de principios nadie se atrevió a molestar al capitán, que en adelante pudo dormir tranquilo envuelto en su capa en un rincón más o menos limpio del establecimiento, protegido por su fama de hombre de hígados.

Великодушно делимые на всех передачи от Каридад и ви-но, приобретению коего споспешествовали приятели на во-ле, в изрядной степени помогли упрочить дружеские связи с сокамерниками, не исключая и того самого, с кем в пер-вый день вышла небольшая, как сказал бы дон Франсиско Кеведо, разно... гм!.. стопица. Un cordobés que tenía por mal nombre Bartolo Cagafuego, quien a pesar de andar en jácaras como habitual de llamarse a iglesia y frecuentar galeras, no resultó nada rencoroso. *Да что говорить, в избытке обладал Диего Алатристе этим даром – он бы и в аду завел друзей.*

Parece mentira. Я запомнил, какой в ту пору год стук-нул нашему столетию – двадцать второй или двадцать третий, – но помню точно, что, когда капитан вышел из тюрьмы, от синей студенной свежести мадридского утра перехватывало дыхание.

Desde aquel día que -ambos todavía lo ignorábamos- tanto iba a cambiar nuestras vidas, ha pasado mucho tiempo y mucha agua bajo los puentes del Manzanares; pero todavía me parece ver a Diego Alatraste flaco y sin afeitarse, parado en el umbral con el portón de madera negra claveteada cerrándose a su espalda.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.